

МЕРАЙЛИ

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

1977 ... 1982

© Мерайли, 1977–1982

© Иванов П. Б., верстка и оформление. 2011

© Ольга Романова, графика титульного листа. 2005

<http://unism.narod.ru/mer/>

<http://unism.pjwb.org/mer/>

<http://unism.pjwb.net/mer/>

© Допускается копирование текста в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

Я

Посвящается всем
серым людям.

1. Вызов

Вот он — я.
Посмотрите на него.
Что может быть
отвратительнее?
Парнишка явно — того.
Плюет на богов
и родителей.
Он — выше всех,
он — это всё,
все возможно, все дозволено...
Мнит себя гением! А сам несет
людям
лишь груды новой боли.
Что нам
до мыслей его и знаний,
что нам
до самых благих идей,
если он только тем и занят,
что нервы
вытягивает из людей.
Мы не для этого
родились.
Жить не для нас
у нас не положено.
Самый отъявленный
скандалист —
гадит умело
и осторожно.

3. Аутодафе

Ритм, ритм — грохот фанфар и пение барабана.
 Все, все, все кончено — забудь и не жди.
 Прочь, прочь, прочь, прошлое!
 Рока ухмылку пошлую
 поздно или рано, поздно или рано
 растопчут в бешеном беге лошади
 в пути.

Мне — мне не надо уже ничего — все сгнуло.
 Нет, нет, нет на этой планете вас и меня.
 Ночь, ночь, ночь — отточена,
 как кинжал пророчества.
 Боже, дай мне силы — боже, дай мне силы
 не избежать короткого и гордого росчерка
 огня.

Я... я сгораю каждый век и каждое мгновение.
 Все, все, все кончено — я снова другой.
 Стой, стой, стой, счастье!
 Все иногда случается.
 Кто-то меня заменит? — Кто-то меня заменит.
 Спешите, я исчезаю — прощайтесь
 со мной!

4. Зло земли

Я призраком безудержного зла
 и трупом обезумевшего горя
 живу почти спокойно, и не спорю,
 с тем, что молва дурная наплела.
 Пусть будет так — я сам того не скрою,
 что до конца прогнил трухлявый ствол,

что за обугленной и жесткою корою
лишь вредным насекомым кров и стол.
Да что греха таить! — Я груб и своенравен,
ветвями бью в лицо, листвою — в глаза,
корнями оплету, колючками израню —
и отпускаю, чтобы уползал.
Ветра уже не властны надо мной —
я врос на пять шестых, и до конца врастаю;
когда-нибудь весенний снег растает —
а я уже соединюсь с землей.
И буду олицетворением зла,
и буду беды приносить и горе...
А вы и не поймете, в чем их корень, —
ведь и до этого земля такой была.

5. Освобождение

Мне жизнь не дарила улыбок своих —
мне с боя давались они.
Судьба ускользает из пальцев моих
и вечно зовет: догони!
А я всех богов и чертей сильнее,
я лучше доверюсь себе:
на что они мне, на что они мне? —
я брошу их в морду судьбе!

Попытка протеста — и стая камней
в тебя полетит из толпы.
Молчи и терпи — если будешь умней,
избегнешь ударов судьбы.
И мне говорят: ну смирись, идиот! —
и сразу покой и почет...
А я отвечаю: на что они мне?
я гнить не хочу в тишине.

А если меня разлюбила Она —
 я взглядом скажу: уходи!
 ты мне надоела, ты мне не нужна. —
 Лишь боль загорится в груди.
 Но надо забыть, и не видеть во сне...
 Долой бестолковую грусть!
 На что она мне — ну на что она мне?
 Пусть любит. А я — обойдусь.

6. Расплата

— Две жизни — не много ли, для одного-то?
 — Одну бы отдал, да нет желающих.
 — Невероятно! Отчего так?
 — Стало быть, жизнь попалась — та еще.
 — А может, другую предложить?..
 — Этот кошмар? Да кому он нужен!
 Уж первая — лучше бы не жить,
 а вторая — и того хуже.
 У всех на виду одна из них:
 пустое житье — ни ума, ни страсти, —
 я вечно должен терзать других
 и каждой подлости сопричастен...
 Внешне — тлетворный мещанский дух:
 за сладкими фразами — жало с ядом.
 Нет бездны, в которую я не падал;
 нет грязи, в которую я не паду.
 Другая... Да что говорить о ней мне!
 Там все по-другому — там сны, мечты,
 досужие выдумки и настроения...
 Там все задыхается от красоты.
 Там я благороден и мудр, как бог:
 я мир переделываю и ломаю...
 И вдруг, с разлету, о стену лбом —
 и снова — в который раз! — умираю.

7. Эпитафия

Здесь погребен еще живущего прах.
Путник, не бойся: давно я засыпан землею.
Плюнь на могилу мою — зеленые стебли,
пользуясь влагой минутной, из меня прорастут.

... июнь 1977

Памяти ***

Ой вы сволочи, сволочи, сволочи...
Закружили вы, замели.
Не увидеть нам больше его очей,
не вернуть его из земли.
Догорела звезда — и упала вниз;
гаснут души в пыли.
И теперь все равно: молись, не молись —
не вернуть его из земли.

Нам уже не понять, что прожито,
что ушло, исчезло вдали;
что любимо и близко, дороже что —
не вернуть его из земли.
На мечты и мысли случайные
тени подлостей легли —
погребенные под отчаянием
не поднимутся из земли.

И глядим в это небо грустное,
где остаться, увы, не смогли...
Те, кто верил, боролся, чувствовал, —
не поднимутся из земли.

Ты войди за бессонницей в звон ночей,
ты богов об одном моли:
пусть все сволочи, сволочи, сволочи
не поднимутся из земли!

осень 1977

Один билет на двоих

Их ругают, толкают, кулаки разбивают о них,
водителю жалуются на остановках...
Неудобно пассажирам, и неловко,
если касса дает лишь один билет на двоих.

Но однажды я очень хорошую девушку встретил —
и внезапно загадку бездушных машин постиг:
они сразу смекнули, что я отдал бы все на свете,
если бы в жизни у нас с ней был один билет на двоих!

Одиночество губит людей на дорогах крутых,
и, быть может, мне с лучшим другом моим когда-то
основательно помогли полуисправные автоматы
с их извечным законом: один билет на двоих.

Сотни тысяч лет я цветными мучаюсь снами
о все новых дорогах для тех, кто идет по земле...
Хоть бы раз эти кассы так сломали,
чтобы на все человечество — только один билет!

К сожалению, каждый не прочь сэкономить порой
на друзьях и любимых, на людях далеких и близких —
и, в забитый по самую крышу автобус втискиваясь,
предъявляем назойливой совести — проездной.

8 августа 1978

Альбинос

(фрагменты цикла)

1

Давайте рвать друг другу глотки,
 давайте клыками решать споры...
 Мы все дарвинисты — я не против
 естественного отбора.
 Я знаю: жизнь любит сильных.
 Женщина — и этим все сказано.
 Официально: «Мы решили...
 Больше подходит... Обязанностей...»
 Да-да, конечно. Полностью за.
 В школе учили: homo homini...
 брат и товарищ... и все такое...
 Да еще глаза на образа.
 Истина вечна и вездесуща.
 Все железно — закон природы:
 кто преуспел в своем насущном,
 тот преуспел на благо рода.
 Так значит — слава!
 Значит — да здравствует!
 Кто там, право,
 труса празднует?
 Ну-ка в пекло! —
 в самое-самое! —
 Человека
 выплавим заново!
 Все едино,
 терять нечего.
 Станьте сильным —
 и ваша женщина.

Станьте смелым, почти нахальным —
пусть Удача по вам вздыхает.
Станьте резким, и даже грубым —
пусть Любовь подставляет губы.
Станьте всех умнее,
выше и главнее,
наш идеал, самый сильный человек!

март 1982

2

Калифорнийский красный песок,
грязный салунный джаз...
Есть удача — рви кусок,
а неудача — пуля в висок,
вот и весь сказ.

Рыжая Мэри — губы, как мед,
глаз голубой аккорд:
если удача — нежно прильнет,
а неудача — просто пошлет
не слишком далеко.

Эй, бродяга, — давай, бродяга,
золото мой и в кабак неси!
Эй, бродяга, — давай, бродяга,
синюю птицу ищи в грязи!

Счастливчик Джон: ему везло,
золото в руки шло —
старый кольт,
да верный конь,
да в глазах золотой огонь.
Деньги, и шляпа, и банджо,
манеры — просто шарман!

Бедная Мэри в красавца Джо
в его золото и банджо,
влюбилась без ума.

Эй, бродяга, — давай, бродяга,
золото мой и в кабак неси!
Эй, бродяга, — давай, бродяга,
синюю птицу ищи в грязи!

Банковский счет Джон открыл
и через дюжину лун
вместе с приисками купил
виллу, и рыжую Мэри Хилл —
и вместе с нею салун.

Больше Джо не моет металл
и тратиться не спешит —
он все надежно рассчитал:
выгодней вкладывать капитал
и жить на барыши.

Эй, бродяга, — давай, бродяга,
золото мой и в кабак неси!
Эй, бродяга, — давай, бродяга,
синюю птицу ищи в грязи!

август 1983

3

Пашка Демин на селе
первая фигура!
Если не навеселе
после перекура.
Все в нем: сила, взгляд и стать,
на гармони мастер,

и девчонки танцевать —
просто рвут на части.
Да и работа — что гульба:
коли приключится,
может починить комбайн —
и сварить ушицы,
и корову подоить,
и наладить брюки,
избу справить, печь сложить...
В общем, на все руки.
Тут бы парню и почет
от всего народца —
только вот, зараза, пьют!
Что ему неймется?
Вроде все как у людей —
и живи бы ладом:
взял жену, расти детей...
Что еще, блин, надо?
Нет же, прицепился бзик,
что неволи пуще...
Мировой бы
был мужик —
если бы не пьющий!

1983 ... 2001

Цветы

Небо в тучах включено,
 Громы ходят грубые...
 На вокзальной площади
 Торговали трупами.
 Трупы были свежие
 И еще красивые,
 Но сквозь белоснежное —
 Проступало синее,
 Засыхало алое
 Бурыми комочками,
 И глаза усталые
 Говорили: кончено.
 Пусть остались запахи,
 Жизни наваждение, —
 Всемогуще затхлое,
 Безднежно денежное...

Мы родились чистыми,
 Нежными красивыми, —
 И цвели, лучистые,
 Молодою силою.
 Но не терпят в старости
 Юной откровенности.
 Может быть, от зависти?
 Может быть, от серости?
 Болью сталь оплавлена:
 Крылья, корни, завязи —
 Все самое главное
 Смертью обрезается.

Небо в тучах включено,
 Громы ходят грубые:
 На вокзальной площади
 Торговали трупами.

Платят покупатели
И дарят на свиданиях
В знак любви и памяти —
Смерть и увядание.

июль ... август 1980

* * *

Разве можно вот так, ни с того ни с сего,
подойти и спросить: "Как живешь. старина?
Как семья, как дела?" — и, быть может, поведать
о чем-то своем?

Разве можно с другим, незнакомым совсем,
на двоих погрузить — посидеть, помолчать...
И не думать о нем, только видеть, что не одинок?

Стучат, стучат капли по стеклу — тихие слезы: никогда.

Разве можно вот так, что-то просто сказать,
и слова не искать, не краснеть от стыда,
не бояться обидеть, спугнуть, потерять,
или просто солгать?

Разве можно успеть все, что надо успеть, —
все, что надо суметь... Или даже не все,
а хотя бы чуть-чуть, только чтобы поверить в себя.

Стучат, стучат капли по стеклу — тихие слезы: никогда.

Свет.
Это вечер.
Задуют лампу бродяги-сны.

Тень.
Это утро.
Угаснут тени — и будет день.

Стучат, стучат капли по стеклу — тихие слезы: никогда.

февраль 1981

Ночная гроза

По мокрому городу бродят дожди молчаливо:
Им негде

укрыться от ливня.

Слепые авто беспокойно метались и выли
на кляксы оконных лун.

Задушенные и неживые
столбы висят на медных струнах.

Продрогшая улица

плыла гусиной кожей,

к подъездам жалась, тихонько поскуливая, —
а крыши

плюют в нее из труб водосточных,

и антеннами надменно шевелят.

Деревья-соседи на них
возмущенно шипели —

но ветер-шутник

рвет с веток последние перья.

И где-то снаружи

бог срочно Вселенную чинит,

по черному куполу стуча молотком.

А трещины молний сочились

тоской

и дождем.

26 июля 1979

Девушкам, которые смеялись

Вы засмеялись за спиной.
Я понимаю: надо мной.
Так смейтесь, смейтесь! — дайте мне
Вам жизнь продлить на пару дней.

Походка — циркуля шаги.
Наружность — бурдюка с песком.
Мой фарт — со мною не знаком.
Мой череп — кроличьи мозги.
Моя любовь — пустыня слез.
Мои надежды — старый хлам.
Мои дела — в тумане грез.
Мой отдых — посвящен делам.
Мои свидания — краткий миг.
Мои разлуки — навсегда.
Казалось: много достиг.
А оказалось — ерунда.
Я просто неудачник. — Но
Ведь это дьявольски смешно!

Себя расхохотавши в дым,
Осмелюсь все же сообщить:
Уж лучше быть сто раз смешным,
Чем просто безразличным быть.

27 июля 1979

Поздравление Незнакомке

Простите, я осмелился...
 Быть может, это бестактно...
 Ну право же, это мелочи!
 Такой уж я чудак.
 Но
 я хочу подарить Вам
 скромный букет весенних слов.
 О, не беспокойтесь! — это совсем не тяжело!
 И даже розы без шипов,
 только лепестки — как бритва.
 Пожалуйста, не уроните.
 Увы! Мой яд давно иссяк.
 В жилетку плакаться не умею.
 А это... Да так,
 можете считать: выиграл в лотерею.
 Что? Не бывает? Ну и ладно.
 Ей богу, ну не все ли равно?
 Было бы красиво,
 да ненакладно,
 да удобно произносить.
 А мне это ну совсем ни чуточки не стоит —
 как замерзнуть под окном.
 Ой! ну что я!
 Ведь хотел всего лишь поздравить.
 С чем? Неважно.
 Ведь у Вас весна: снег тает,
 солнечно и влажно —
 а это всегда праздник.
 Что у меня? Не знаю.
 Пасмурно и сухо. Похоже на зиму.
 О нет, нет, не надо!
 Я Вас просто поздравляю,
 а это — как-нибудь в другой раз.

Ну что Вы, право! Я же не больной.
Я ни в чем не нуждаюсь, не спорьте!
Может быть, только в Незнакомке,
которую можно поздравить с весной.

апрель ... июль 1980

* * *

Я преисполнен самообладания.
Зевай как хочешь мрачно пустота —
Шепчу свое простое заклинание:
Все хорошо, все на своих местах.

И вот — везет. Кого, куда, откуда...
Что за вопросы! — Вздор и суета.
Живешь — живи. Просто не жизнь, а чудо:
Все хорошо, все на своих местах.

Но мнится мне — дождусь такого часа,
Когда возникнет смерть из-за куста
И рявкнет на меня багровым басом:
Что за бардак?! — Все на своих местах!

август 1982

* * *

Ох, зима, ну зачем ты оттаяла!
На пропитые слезы твои
воронье налетело стайей,
да разбойники-воробьи.
Небо дочерна криком завесили,
передрались между собой...
И в кровавое снежное месиво
опустились —

на слезопой.

То-то нынче раздолье сволочам:
пьют — в три пуза, валяются с ног.
А проходим — все равно.

Молчат...

Где-то хищно взвыл воронок,
где-то кто-то милицией пойман,
отбывает свой срок кто-то где-то...
Ну а это

разве законно?

Разве справедливо

это? —

Что слезами зимы

всякий сброд

упивается, как пожелает.

Или

лучше, чтобы снег

и лед

Никогда —

от страха —

не таяли?

А кругом —

что другая планета:

можно

добрым быть,

и счастливым...

Неужели
 законно
 это?
 Неужели
 справедливо?
 Кабы слышали уши боговы,
 я бы
 в молитвах
 разбухал лоб,
 только пусть бы он сделал,
 чтобы
 воронью
 поскрутили
 головы.
 А пока —
 зима слезы льет,
 коркой горького
 льда
 обрастая, —
 а над ней хриплым матом орет
 воронья
 поганая
 стая.

18 декабря 1977

После концерта

Снова ночные тени-призраки
Рыщут по мыслям и глазам.
В упор — распахнутые ужасом тишины зрачки.
Тщетно пытаются предупредить, рассказать...
День отшумел. Последний зритель покидает зал.

Ты и я — мы лишены себя.
В конце концерта нас разносят по местам,
и ты всю ночь — на гвоздике номер пять,
а я на тринадцатом. Между нами — темнота.
И только полузадушенная песня
пытается доползти до тебя...

О, все забудь, дорогая, все забудь!
Все мы — лишь странники земли.
Где нам узнать, зачем начался этот путь,
И как далеко мы зашли.
Неведом конец пути,
Но мы должны идти,
Всю жизнь друг от друга вдали —
Таков наш рок.

О, ты пойми, дорогая, ты пойми:
Люди такие же куклы бытия.
Мы так хотели, и могли бы стать людьми —
Но были бы вместе мы, ты и я?
Неведом конец пути,
Но мы должны идти —
Где же встреча твоя и моя?
Суров наш рок.

О, никогда, дорогая, никогда,
Может быть, нам не встретиться — только жди.
Люди, бывает, встречаются иногда
В спектакле с названием "жизнь".

Неведом конец пути,
Но мы должны идти,
Не зная, что ждет впереди.
Таков наш рок.

Утро. День. Вечер. И ночь. И снова день.
Опять и опять все те же роли.
А встречи нет — никогда и нигде.
Пьесы бездарны, сценарии уродливы.
Нет сил ждать...
Но что, что мы можем сделать?

июль ... август 1977

Нацело

Если надо забыть — забывайте до дна.

Если надо уйти — уходите навек.

И сквозь красный туман замурованных век
проступает больней

призрак брошенных дней — тишина.

Страшный суд позади: из помятых долин
вопли жертв не слышны; бог, умаявшись, спит;
кто-то клеит остатки расколотых плит;
а покоя все нет —

нескончаемый бред половин.

В помутившемся небе созвездия путают ритм,
день и ночь, как слепые, не могут друг друга найти —
и бредут отрешенно они от зари до зари,
заставляя Вселенную тоже по кругу идти.

А в сумасшедших часах — циферблат добела постарел,
балансир убивает минуты — не спится ему!

Только память осталась на дне испаренных морей,
и ее неизбежно придется убить самому.

Продолжайте себя до последней строки,
до последних надежд, до последней любви...

Если надо — сумейте ползти по крови,
и в грязи подыхать —

но лишь яростней сжать кулаки.

Но случится забыть — забывайте до дна.

Пусть порвется душа — но сжигайте мосты.

В бесконечности жизни хватает пустынь,
где стоит под дождем

и безропотно ждет тишина...

... август 1980

* * *

Прости, я лучше стать не могу.
Не надо упреков — и жалоб не надо.
Случайность: мы улыбнулись на бегу,
и все растаяло.
Что там! Ночь — клочья снов.
Было? Не знаю. И ты — сон.
А я все тот же.

Падаю
в глаза твои.

Но
я другим не стану.
Прости. Мне нельзя.

Всегда ищу.
Всегда, везде — мимоходом.
А сердце мечется — в клетке,
как очумелое, —
сердце
голос сорвало, хрипит
сотнями глоток:
— Вот она,
вот она.

Вот она!
А ты — слава богу! — не знаешь
во мне

этого
звериного рыкающего и злого.
Это —
мечется в груди, рвется наружу...

Но нет.

Ни одним вздохом.
Ни одним стоном.
Ни одним словом...

Я уже давно

только звук твоих шагов,

только

неуловимое движение губ...

Хочу

раствориться в тебе.

Господи!

за что

я

не быть собой

не могу?

А ты исчезаешь из мыслей, из памяти.

Было? Не знаю. Прошло мимо.

А я все тот же.

Падаю

в черноту ночи.

Таю — как тень твоего дыхания.

Случайность: одно мгновение — и все кончено.

Что там! Все по-прежнему.

Стоит ли

обращать внимание?

Но вся мерзость и ложь незаметных,

мгновенных встреч

ненавистью поднимается из души,

как из могильного праха...

Нет! Так нельзя!

Не должны,

не могут быть

такие

мгновения

незамеченными.

Восстать —

и покончить со всем этим

одним махом!

Я

лучше не стану.

Ты

лучше не станешь...

Мир не изменится.
И все же,
мне кажется,
мы не расстанемся —
просто не можем.
Я
взглядом проникну в себя до дна.
К чему пугаться, случайно обнаруживая,
что ты мне,
такой, как ты есть,
нужна.
Подумай — ведь я тебе
тоже нужен!

10 апреля 1978

* * *

Как перезубренный урок,
Как выпренность благодеяний,
Звучит банально и старо:
Любовь не знает расстояний.

Но примет грудь разлуки дрожь —
И вновь упрямо вспоминаю:
Не знает расстояний... Что ж,
А я — я ничего не знаю!

25 апреля 1981

* * *

Ходят поэты
 всякие разные,
 пишут сонеты
 благообразные;
 пишут и верят, что их читают;
 верят — и пишут про любовь.
 Но что они
 знают
 о любви?
 Они о ней
 ничего
 не знают.

Ходят поэты,
 дарят сонетами, —
 жарят котлеты
 жены поэтовы;
 жарят и верят, что так надо;
 верят — и жарят, для мужей.
 Но что они
 знают
 о любви?
 Они о ней
 ничего
 не знают.

Ходят поэты, пишут сонеты,
 всякие разные, благообразные...
 Ходят поэты, жарят котлеты,
 дарят сонетами жены поэтовы...

Но что они
знают
о любви?
Они о ней
ничего
не знают!

15 марта 1981

* * *

Пока я жив, я ощущаю зло,
накопленное за тысячелетия.
Увы, лишь полувздохи-междометия
слетают с губ вместо разящих слов.

В речах, стихах, романах — все кругло,
как елочных шаров посеребрение;
как тут сдержать нормальное стремление
испортить эту тишь да гладь — назло!

О, мне вполне с врагами повезло —
не раз мой голос на колени ставили.
Но боль в моей душе не переправили
на включенную серость душ-ослов.

А память — озлоблением светло,
перед глазами лишь одно видение —
пророк с угрозой светопреставления,
в безумном трепете колоколов:

Скольким живущим не снести голов!
В раскаянии рвите ваши волосы!
А Справедливый Суд подбавит хворосту
в ваших костров жестокое тепло.

И, как бы ни было мне тяжело,
я предвкушаю радость очищения —
и бесконечно верю в непощение
всех и всего, идущего на слом.

14 июня 1979

* * *

Безразличие — сон, безразличие — бред.
Что о нем говорить! Безразличия нет.
Придерется, пожалуй, иной буквоед:
Безразличие? Вздор! Безразличия нет.

Что ж, теория эта, конечно, права:
Нет на свете бесчувственного существа.
И теряют значения наши слова,
И от этого кругом идет голова...

Как назвать тогда то, что толкает назад,
И не даст заглянуть в нечужие глаза,
И не верит мольбам, и не хочет понять,
И боится себя на других разменять?

В паутине прилипчивых будничных бед
Отмахнуться легко: безразличия нет!

Но бредет по асфальтовым душам поэт —
Вы спросите его: безразличие — бред?
Тихий гений бессонницей изнурен —
Вы спросите его: безразличие — сон?

Вы спросите любого — и скажет любой:
Безразличие — страх, безразличие — боль,
Безразличие — маска прогнившей души,
Безразличие — словно духовный ушиб.

Я надеюсь, что в памяти будущих лет
Навсегда пропадет безразличия след,
И тогда уже искренним будет ответ:
Безразличие — бред. Безразличия нет.

26 января 1980

Маскарад

Хочется дикой ласки —
 Дикой, жестокой ласки, —
 Но набегают маски —
 И убегают маски.
 Кружатся в вечном танце —
 Вечном и странном танце, —
 Будто бы иностранцы
 В обществе иностранцев.
 Гладят лукавым взглядом —
 Легким, лукавым взглядом...
 А мне любви бы надо,
 Нежности, ласки надо.
 Хочется сладкой муки —
 Сладкой любовной муки, —
 Но обнимают руки —
 И ускользают руки.
 Кружат в слепой метели —
 В белой, слепой метели...
 Что вы на самом деле?
 Кто вы на самом деле?
 Ластятся робко ночи —
 Робки, пугливы ночи...
 Я не люблю их очень —
 Мне с ними страшно очень.

март 1981

Монологи

(фрагменты цикла)

1. Блудный сын

Смогу ли я перешагнуть порог?

Нет ничего, что может помешать:
Ни двери, замкнутой на тысячи замков,
Ни стен глухих, ни отчужденных слов,
Ни ропота, ни страха, ни укора,
Ни совести, блуждающей впотьмах,
Ни яда приглушенных разговоров,
Ни крови на трясущихся руках —
Нет ничего. Один последний шаг.

Смогу ли я перешагнуть порог?

Все,
что с собой брал, —
растрчено.

Все,
чем втайне мечтал обладать, —
ушло.

Все:
для меня — жизнь, для других — ребячество...
Молча душа за все расплачивается,
стиснув зубы и на глаза надвинув лоб.
За то, что граница прошлое – настоящее
не условность,
но болью прорезанная черта,
возвращаются вновь
души пропащие —
изнуренные странники, молящие

о мгновенном покое. —

И снова идут в никуда.

Смогу ли я перешагнуть порог?

Минутная слабость — предвестник беды.

Забывчивость — гибельный знак.

Сумевший простить долгих странствий следы,

Прости же себе этот шаг.

И изызнасилуй, спасая себя,

Трусливую сущность свою —

Пройди по горящим углям бытия

Туда, где не узнают.

И если порог непомерно высок,

И ноги налиты свинцом,

Твои искуплением сделаться б мог

Взгляд подлости прошлой в лицо.

Не надо раскаяния — что прошло

Не нам осуждать и менять.

Но помни: куда бы ни занесло,

Придется вернуться опять

И перешагнуть этот порог.

весна 1979

2. Пацифист

Я долгий путь прошел один.

Мне люди не мешали жить.

Пришлось добраться до седин —

И не на кого зло таить.

Увы мне, цел и невредим,

Я не избегнул седин —

И, без надежды впереди,
Мне не кого зло таить.

Презрение живет в груди,
Упреком горестным гудит:
Ты был собой, и вот, гляди —
На что же ныне зло таить?

Неужто ты настолько дик,
Что мог подонков обойти
И, мир оставив позади,
Не стал на них ты зла таить?

Да самый яркий нелюдим
И то хоть раз свой гнев будил!
Кому же ты необходим,
Раз не на кого зло таить?

За что же мне себя ценить?
Зачем не рвется жизни нить,
Когда я Вечностью судим
За неспособность зло таить?

30 мая 1979

3. Попутчик

Не все на этом свете просто.
Скажу, коль каяться пришлось:
Я в люди не прошел по росту
И по количеству волос.

Вы сомневались, вы хотели,
Вы ненавидели, любя —
А я скучал в бездушном теле
И думал, берегу себя.

Когда беда в окно стучала,
 Огнем грозила и мечом,
 Я только пожимал плечами
 И говорил: а я при чем?

Нет, страх был чужд моей гордыне!
 Здесь дело в несколько другом:
 Не оглашал мой глас пустыни
 Затем, что не рожден я львом;

Я паутину смут и партий
 Высокомерно презирал —
 И не поставил все на карту
 Лишь потому, что не играл.

Пускай кому-то тяжелее.
 Я стал, кем собирался быть.
 И ни о чем не сожалею,
 И мог бы снова повторить.

Был дом уютен, стол был сытен,
 Свет не заглядывал на дно...
 И вот, вы все меня клеймите —
 А я... Я с вами заодно.

... май 1984

4. Человек-невидимка

Что поделаешь, я слабый человек —
 Мне так надо на кого-то опереться...
 И приходит этот миг, неотвратимый, точно смерть, —
 И я в жертву приношу слепое сердце.
 А за ним я — как за каменной стеной,
 И спокойствие как вечное блаженство...

Счастье с горем неразлучно ходят — только не за мной,
А за теми, кто ищет совершенства.
Ну а я — безгрешен, как всегда,
На моих руках нет крови жертв невинных.
Пусть у половины мира совесть нечиста —
Я, конечно, не из этой половины.
Что там думать, сомневаться и мечтать!
Без меня решат проблемы мировые.
Отработаю свое — а остальное суета,
И пускай ей занимаются другие.

Ради вечного спокойствия живу.
Загнивают нерастраченные чувства.
В наше время Страшный Суд вершится наяву,
Быть невидимым — сложнейшее искусство.
Но за спинами других всегда тепло,
Нужно только спрятаться умело.
Ну а если тем, другим, неимоверно тяжело —
Мне до этого нет никакого дела!

лето 1977

Той самой Незнакомке

В шестом, в седьмом ли круге ада,
 Когда, горя до хрипоты,
 Я проклял все — явилась ты
 И улыбнулась мне: так надо.

И выжил, выбрался на свет,
 Наворотил побед громады —
 Но вновь услышал твой совет:
 Не загордись. Так было надо.

Тут кто-то рявкнул: черта с два! —
 Надвинулся, велик и пылен,
 С моих разлапистых извилин
 Срывая грешные слова, —

И полетели мегастроки,
 От нетерпения рыча,
 Мои святейшие пороки
 Врубая в ближнего с плеча...

Вот, я ору на них с эстрады,
 Я не в себе, ни в ком, ни в чем —
 А дело-то всего лишь в том,
 Что все это кому-то надо.

Да что кому-то! Надо — мне,
 Ему, ему, тому, другому...
 Ведь души доползут до дому —
 И будут вкалывать во сне:

В шестом, в седьмом ли круге ада
 Умаются до хрипоты...
 И вот тогда возникнешь ты,
 И скажешь им, как мне: так надо.

июль 1981

Осенняя песня

Мысли и дни, уходящие в бездну.
Просто, как ничто. Страшно, как темнота.
Ропот шагов — далеко, за туманами детских надежд.
Время, не глядя, подписывает счета.
Мысли и дни убегают к недавним друзьям.
А ни извилинах — плесень седины.
Слушайте — зачем?

Одинокие тени скользят
по руинам столетий.
Кому вы нужны?

Мысли и дни, незнакомые лица.
Тихо, как луна. Грубо, как похвала.
Память добра — вечерами прощания горестных птиц.
В мертвом костре нераскаянная зола.
Мысли и дни одиночек исчезли в дыму.
Камни гробниц неподкупно холодны.
Слушайте — за что?

Наслаждение гордостью мук —
одинокие тени.
Кому вы нужны?

Но грянет глас —
и вспыхнут костры,
взорвутся
гробницы и склепы ветхие;
в путанице энергий и энтелехий —
Правосудия
царственный рык.
И адское пламя в душах высветит,
взвешивая каждый стон,

где
 одиночество
 мудрых и святых,
а где —
 суеверие, злоба или ханжество.

Мысли и дни — окончание сказки.
Слепо, как мечты. Больно, как правота.
Призраки тел в пустоте невозможных, несбывшихся ласк.
Скорбная вера уставшего ждать Христа.
Мысли и дни: утонули в сугробах дома.
Сдавленный стон перетянутой струны.
Слушайте — за что?
 Молчаливо приходит зима,
обрывая вопросы:
Кому вы нужны?

8 ноября 1979

* * *

Любите, любите, любите
детей и дворовых собак,
весеннюю чистую кипень,
и грязный осенний овраг,
шумящую золотом рощу,
и брежневскую "Целину",
сварливую сплетницу-тещу —
и даже немножко жену;
любите поспать, пообедав,
и рупь проиграть в преферанс,
и бывшего зэка соседа
на карточке в профиль и в фас;
любите рассветы, закаты,
час пик, или полночи гул;
любите аванс и зарплату,
и пьяных застолий разгул;
и женщин любите, и блядей,
сигару и кофе в постель,
и формулу в толстой тетради,
и даже топор да кистень...

Любите, любите, любите
бездомных дворняг и ребят —
кого или что захотите!
Но не возлюбите себя.

31 июля 1980

* * *

Легкая, чистая, гибкая, быстрая —
 Где эта девушка, где?
 Волосы русые, глаза чуть грустные —
 Где эта девушка, где?
 Джинсы потертые, кофточка светлая,
 Сумочка через плечо...
 Радость планеты семнадцатилетняя,
 О чем тебе думать, о чем?

Тонкие пальцы, чем-то встревожены,
 Вдруг — замирают на миг.
 Так, нерешительно, настороженно,
 Входишь ты в этот мир —
 Хмурый, заляпанный фальшью и сплетнями,
 С сотнями острых углов...
 Что с тобой будет, семнадцатилетняя?
 Хоть бы тебе повезло!

Или — как все — пронесешь незамеченно
 Крест повседневных забот;
 Подлость и холодность первого встречного
 Жизнь твою грубо сомнет;
 Может быть, чувства и мысли заветные
 Так и завянут в мечтах...
 На фотокарточке семнадцатилетняя —
 Совесть, и память, и страх.

Нежность, любовь, доброта и так далее... —
 Все притупится, как боль.
 Долг и ответственность — и случайная
 Власть над людьми и собой.
 Будет ли так, что останутся тщетными
 Муки исканий твоих?

Трудно поверить, семнадцатилетняя
Небезысходности их.

Кто не просил бы — хоть раз — справедливости
В вихре коварных дорог?
Вечна привычка: не видеть великости
Тех, кто хотел, но не смог.
Недозаполненные, мгновения
Все ускоряют свой бег...
Снова и снова семнадцатилетние
Гибнут в неравной борьбе.

Но из поколения в поколение
Все, кто бессильно погас,
Веруют: будут семнадцатилетние
Лучше, и чище всех нас.

август ... декабрь 1978

* * *

В городе слякоть.
 Тепла два градуса.
 Что тут плакать?
 Надо радоваться,
 кутаться в пухлые шарфики
 вместо пушных манто...
 Погода — почти что жарко.
 Только настроение — не то.
 Из серой каменюги

вываливаюсь:

под серым небом — серая слизь.
 Хляби небесные плотину прорвали —
 да поверх зимы растеклись.
 И вот уже кто-то

с иностранным паспортом

вплетает в мат бороду пророка:
 на брюках, ранее девственно незапятнанных, —
 нагло-коричневая

блямба порока.

Дамы

в очереди за мандаринами

спорят о приоритете:

— Такого еще не бывало, уж вы поверьте...

— А я помню, позапрошлую зиму...

Неподалеку — лежит небритый.

Ему все равно — не дополз.

Мамочки с талиями почти как у Кармен-сюиты
 отворачивают детей в четвертьголосо.

На остановке свои заботы:

только что, с хвостом из грязи,

проскакал пустой автобус —

и интеллигенты, опаздывающие на работу,
 поминают начальство, от ЦК до управдома.

Какой-то пенсионер в потертом мешке
выгуливает собачку — меньше валенка;
бедная, повисая на поводке,
по самые уши
 в грязь проваливается,
скулит, дрожит,
 перебирая промоклыми лапами,
а ей на макушку —
 сосулечки
 злыми каплями.

Капли бьют по черепу —
 тик-так, тик-так, —
всех без исключения —
 тик-так, тик-так, —
каждого и всякого —
 тик-так, тик-так, —
наравне с собаками —
 тик-так, тик-так. —
Ишь какие гордые! —
 тик-так, тик-так, —
Будто не в наморднике. —
 тик-так, тик-так.

Утро четвертого января.

январь ... февраль 1981

За все

Мне осталось совсем немного,
хоть и этого хватит вполне, —
оборвется моя дорога
через жизнь — по моей же вине.

Ну и что? Пронесется ветер
над заброшенным бугорком —
да старушка иная, заметив,
перекрестится, может, тайком.

А внизу, под сырой землею,
где могильные черви и прах,
на хребте моем — блюдце земное,
как до этого на китах.

И пускай буквоед ученый
объяснит всю бредовость мою —
я, от глины и тяжести черный,
всей планете опора, стою.

Паутина деяний и слов,
миллиарды надежд и судеб,
все, что было, — и все, что будет, —
мышцы судорогой свело.

Ни вздохнуть, ни пошевелиться...
Мысль — отравленная игла:
не просыпать добра ни крупницы,
не пролить ни капельки зла...

Это хуже любого ада,
жарче самого пекла в аду —
когда больше невоготу,

но болезненно чувствуешь: надо.

Серый сумрак уравновешивая,
мне даровано навсегда
справедливое и неизбежное
воздаяние самосуда.

За молчание, за безответность,
за трусливый уход в камыши,
за тупую обыкновенность
и преступную леность души.

сентябрь 1980 ... январь 1981

Весеннее

Черт возьми! А все-таки здорово!
 Ведь это не что-нибудь — весна!
 И пусть

жизнь

в клочья изорвана,
 и взбесившихся бед не отогнать —
 а, все равно! Хуже не будет.
 И, жаждой перемен томим,
 хочу — и вижу:

самое настоящее

чудо —

мир становится совершенно другим.
 Меняется все:

цвета, звуки,

лица, мысли, улыбки —

и колокола

весной

молодые — и гулкие,

преисполненные

радости и тепла.

А весна затуманивает самые трезвые головы,
 пляшет по крышам,

забирается в окна,

и даже в метро...

Небо — орган.

Солнце — ритм.

Ветер — соло.

Дождь — ударные.

Светлый, весенний рок.

И звуки наполнены острой

болью

о том, что могло

остаться —

но ушло...

И даже тем, кому по должности надо быть злым
и недовольным,
оставаться такими
крайне тяжело.
Да нужно ли? Смыть с себя
серость!
Надо
спешить, убежать от себя вдаль.
Что хорошего, если все вокруг приелось?
Меняйте
установленное раз и навсегда!
Надо — в дорогу.
Надо — к звездам.
Надо — туда, куда вообще нельзя попасть.
Весна, ей-богу,
это совсем не просто.
Весна, как ни кинь, —
громаднейшая власть.
И пусть мы хотим казаться серьезными,
внешне —
как труп мамонта,
спокойны.
Но где-то в глубинах дремлющего мозга
прячется что-то
такое...
О мрачные люди с кислыми рожками!
Кончайте
дуться на все и вся.
Весной — так не положено.
Весной — категорически нельзя!
Послушайте,
мне ведь
тоже
несладко.
Мысли
всякие
в голове кружатся:

что будто бы все на свете — мерзко и гадко,
что, мол, не вынести

этого ужаса...

Текучка — что греха таить! —

берет за горло.

С тоскующего вытья — аж зеленая луна.

Но, черт возьми, все-таки —

здорово.

Ведь это не что-нибудь —

весна!

май 1978

Заставьте себя

Знаем ли мы, что можем?
Порою терзают сомнения:
Стоит ли лезть из кожи? —
Я не талант, не гений...
И перед душными думами
Отступаем, скорбя.
Люди, будьте умными!
Люди, заставьте себя.

Жизнь — не тропа ухоженная.
На крутизне срываемся —
И говорим: невозможно, —
Слабость свою сознавая.
Сколько порывов губили мы,
Крылья душе рубя!
Люди, будьте сильными!
Люди, заставьте себя.

Мы из огня возникаем,
Чтобы все пылало и жгло,
Чтобы, до конца сгорая,
Кому-то отдать тепло.
Пусть торгоши лают вслед вам,
О мотовстве трубят —
Люди, будьте щедрыми!
Люди, заставьте себя.

Трудно бывает и горько вам —
Но, вопреки всему,
Вы поднимите голову
И прогоните тьму.

В вихре приливов и отливов
Слезы и боль погребя,
Люди, будьте счастливыми!
Люди, заставьте себя.

август 1977

Когда-то

Дрожали дожди, сутулясь;
Мосты широко зевали;
Деревья брели вдоль улиц,
Цветные фраки напялив;

А ветер-шатун за фалды
Хватал, и прически путал —
И жались дома к асфальту,
Уныло и неуютно;

Визгливо ругались шины;
Бурчали под нос моторы;
Ботинки куда-то спешили,
И туфли спешили тоже;

На них налипали листья;
Окурки брезгливо тлели;
Туманы прятали лица,
Кого-то до слез жалея;

Тянуло свинцовой стужей;
Земля по утрам бледнела;
И только в чумазой луже
Светился кусочек неба.

октябрь 1981

* * *

Два билета в кино, на самый последний сеанс.
 Покупаю, не знаю зачем.
 А у кассы, как обычно, длинная очередь
 чем-то недовольных, переругивающихся меж собою людей.
 Я их не слышу — я купил два билета,
 отдав за них все, что имел,
 и даже душу разменял до последнего медяка.
 Где-то очень высоко
 мягкое, нежное эхо от органа.
 Орган — это я.
 А счастье — это, наверно, и есть такое эхо.

Два билета в кино, на самый последний сеанс.
 Я держу их в руках.
 Слегка дрожат — наверно от холода.
 В лабиринтах звенящих колонн ледяного дворца
 снова запутался ветер — и ему очень больно.
 Лед — это я.
 И мне тоже иногда бывает больно.

Два билета в кино, на самый последний сеанс...
 Весь вечер перелистываю страницы
 их бесконечной повести.
 В ней нет ничего не выдуманного.
 А над всей этой невинной ложью —
 молчаливой тенью парит еще одна...
 Тень — это я.
 И я тоже до конца выдуман.

Ровно в полночь
 я аккуратно рву и не спеша выбрасываю
 два билета в кино, на самый последний сеанс,
 чтобы завтра было другим.

22 апреля 1978

Баллада покойника

Едва рассвет в небесном сите
Встряхнет курантов дальний звон —
Куда, зачем вы все спешите?
Что ждет вас? — срочности вагон,
Каскад словесных мордобитий
Да параноик-телефон?
Нет, я предпочитаю сон,
Покой — и никаких событий!

Я все когда-то испытал,
Чего и вы хлебнуть хотите:
Ел кое-как, недосыпал,
Бывал в работе ненасытен...
И вот, когда в самом зените
Второй инфаркт меня достал,
Ученый медик предписал
Покой — и никаких событий.

Коль что не так, уж не взыщите.
Чистосердечно признаю,
Что был дурак: до смертной нити
Не бросил суетность свою,
Боялся: седина политик,
Незаменимости уют...
И — ничего: лежу, гнию —
Покой, и никаких событий.

Вот эпитафия, прочтите:
Превыше всех мирских забот
То, что в конце пути нас ждет, —
Покой — и никаких событий.

февраль 1984

Четвертая молитва

Господи, спаси меня, убогого,
 Возроптавший разум просвети.
 Захотел я в жизни слишком многого,
 Сбился, грешный, с гладкого пути —
 И гоняюсь за дымами снежными,
 По морям шатаюсь босиком...
 Только *им*, уверенным, изнеженным,
 Я бы не стал еще одним Христом.

Господи! Мерзавец скажет: верую! —
 А в мошне — сплошь материализм.
 На панели жизнь, последней стервою,
 Ублажает сволочной каприз.
 На виду — дешевая романтика.
 В глубине — мечтаем отдохнуть.
 Неизбежна, словно математика,
 Нашего существования муть.

Господи! Не дай мне разувериться.
 Ты пошли мне мыслей — и врагов.
 Остальное — бог с ним! Все успеется.
 А пока не надо ничего —
 Только небо, звездным светом полное,
 И весна — как память о весне, —
 Незнакомкой — одинокой, томною —
 Проплывает где-то в стороне.

21 февраля 1978

Буриме

В нашей жизни земной —
Кто здоров, кто больной,
Кто вообще не от мира сего;
И, как водоросли,
Людям в морды вросли
Извращенчество и скотство.
Кто втонулся в чаи,
Кто бушует: Дави! —
На футболе и в очередях;
Кто от блядства облез,
Кто лихую болезнь
Симулирует при дураках.
У иных — огород,
А иной — сам урод,
И других примеряет к себе.
Кто-то горек, как хрен,
А кто не горек совсем —
От слащавости сделаешь "бе".
Тот в аферах завяз,
Тот боится зараз
И стерилен до мозга костей;
Тот в колхозном саду,
Нализавшись в дуб,
Снял штаны — и забыл на кусте.
Ну а вот психопат:
Нарисует трактат —
И считает, что он всех умней.
А другой все послал,
Обалдевши от слав, —
И повесился на ремне.
Там — наивен и чист —
Синеглазый садист
Предлагает слепому прозреть;

Там — идею родил,
 Но себя заблудил,
 Математик — секущий, как смерть.
 А в другой стороне
 Испохабил сонет
 Знаменитый и скучный поэт.
 И политиков тьма,
 От большого ума,
 Понавешалась на
 Ордена.
 Все куда-то бегут,
 Пьют, жуют и блюют,
 Все чего-то зачем-то хотят...
 Но в нутро загляни —
 Все же люди они.
 И вот это уж самый изврат!

ноябрь 1980

Примирение

1

Слепая слякоть солила слизь — ослы скользили.
Сушили уши шипы сумасшедших вершин.
А строки
 и струны
 строили — и острили,
каскадом скал
 скакала тоска мокасин.
И жили жабы животной жизнью,
в блатном болоте,
 балакали балки
 и облака,
покойники пакостили, пока
сифон форсил, фиксируя физику.
Забыта база забав и базальта.
Крашенная крыша расшаркивалась
 в порошок,
все мельче и мельче,
 смелела лемма:
креп крематория, кресты из крема,
палитрой флирта литургия залита —
шумнейшего шмякнет мышиный шок.
А бабы
 бубновым бобам бубнят,
и кучей скучают в толкучке чукчи,
и трещины — счастье для щуплых шурыт —
мычат
 и мячом
 мочеточники
 мучат.

2

Березы белее снега,
Трава на лугу хрустальна —
И невыразимая нега
В таинственном мареве далей.

В лесу просыпаются ветки,
Грибы поправляют шляпки —
А в небе, совсем уже светлом,
Звезды играют в прятки.

Плывет тишина, клубится...
Природа полна дремоты —
И дремлет ей, как птицы
Разбудят пернатые ноты,

И, светлым дождем их песен
Умывшись, рассвет улыбнется —
И к чистому небу подвесит
Огромное, доброе солнце.

октябрь 1979 ... август 1980

Тост

Хоть разборчивость для гостя
по традиции запретна —
не люблю, чтобы было остро,
а люблю, чтобы было крепко.
Если чай — то уж как деготь,
кофе — будто антрацит;
есть — неимоверно много;
спать — будто отдать концы;
мыслить — до изнеможения;
выть с тоски — с надрывом выть;
помнить — все без исключения;
полюбить — про все забыть;
мучиться — так до упора;
радоваться — так вовсю;
спорить — до победы спорить;
говорить — так без сю-сю:
если просто — очень просто,
а нелепо — сверхнелепо;
и уж если все же остро —
это тоже надо крепко!
Пусть порой я туп, как тупость,
суетен, как суета,
зол, как зло, и груб, как грубость, —
но уж добр — как доброта,
весел — как само веселье,
всемогущ — почти как бог,
потрясающ — как спасение,
как свобода, одинок...

Эй, давайте лезть из кожи,
тратить деньги и года:
если жить — то сколько сможешь,
а не жить — так навсегда!

февраль 1981

Marcato

Любовь всегда кончается внезапно.
 Бессмысленность и дикость слова "нет",
 Отчаяния неуловимый запах,
 И светлый след портрета на стене...

Нет выхода. Прямоугольник двери.
 Свет пустоты по комнате разлит.
 Куда идти? В кого теперь поверить,
 И у кого прощения молить?

Усталая несвязность многоточий.
 Секунды, бьющиеся о стекло.
 Немые тени прошлых одиночеств,
 Нависшие над письменным столом.

Ночь за окном — и бесконечность улиц.
 Забытые дела. Бумаги лист.
 Обрывки строк о тех, что не вернулись, —
 Хотя, быть может, даже не ушли.

Слова, слова... Молчание нелепо.
 Но на стене — портрета светлый след.
 А ни скрипучей виселице неба
 Бедняга-дождь качается в петле.

20 октября 1980

Диалог в апреле

— Знаете, на улице — снег!

— Ну и что?

— Да так, ничего.

— Вот и нечего

людям морочить головы!

— Извините.

апрель 1981

Надоело!

Лень оплетает плесенью.
День утонул в ненасытной лжи.
А из корыта, старого, треснувшего,
время, как вода, бежит.
Миры вокруг сшибаются грудью,
катастрофы — и миротворения;
рождаются люди, и гибнут люди, —
а я
 утопаю
 в безразличной лени.

Все — мимо.
Жизнь несет.
Клубами дыма
растает все.

Холод бездействия.
Мысли стынут.
Им бы немного
 погреться
 у звезд...

Вянут мечты.
Затянуты паутиной
чувства, пущенные под откос.
Пепел желаний струится по ветру,
знаний осколки среди камней...
У развалин
 непокорности
совесть в будке взвизгивает
 во сне.

Все — мимо.
Жизнь несет.
Клубами дыма
растает все.

* * *

В этой комнате никогда не бывает солнца.
 Нет, здесь не просто четыре стены, пол и потолок,
 это — сгусток сумерек, с окном на север.
 А возле окна — с независимым видом — ветви берез:
 кажется, протяни руку — и достанешь.
 Но где-то в вышине их коварные кроны
 опутали солнце зеленой сетью
 и хвастают перед случившимся ветром
 своим охотничьим счастьем.
 Бедное солнце! — рвется, трепещет, плачет,
 изрезано в клочья острыми листьями, —
 тщетно.
 Из окна иногда выползают клочья угрюмого мрака
 и лижут, лижут стволы,
 пропитавшиеся солнечной кровью...

В этой комнате никогда не бывает солнца.
 Но здесь живу я.
 Со мной — мои мысли, и очень хорошие книги.
 В одной из них я прочел незнакомое слово.
 Сначала мне показалось: это птица.
 Но нет, это не птица.
 Тогда, быть может, это что-то вроде тумана?
 Нет, оно не похоже на туман.
 Это не луна, и не облако...
 Больше всего это похоже на звезды —
 и, наверное, как-то связано
 с вечным движением ночи — и дня.
 Я смотрю в окно.
 Знакомые березы пытаются убедить меня,
 что именно он повелевают светом и тьмой.
 Не верю — я давно разгадал их лживый характер.
 Но что же тогда,
 что же все-таки значит —
 солнце?

июль 1981

* * *

Прости, но я тебя люблю.
Ревную, радуюсь, мечтаю,
Отзвуки нежности ловлю,
Страницы памяти листая...
Ты — недоступна, ты — святая.
И все же я тебя люблю.

Но нет, я не хочу признаний.
Обман сочувствий, страх желаний...

Я должен жить — я буду жить.

Тебя заменят зеркала
Едва заметным отражением,
Бредовым самовыражением
Язв беспокойного тепла.

Люблю. Молчу. Живу. А где-то
Юродивые Да и Нет —
Блаженные недоответы,
Лишенные святого света,
Ютятся в тесной тишине.

июнь 1981

Куда там! Скорей дойдет до могил.
А живые плюют — как на нечисть:
Какого х... е...шь мозги?!
Делать больше нечего?..
О да, дел по горло,
и даже более —
времени
ритм
сроки
режет.
Лучше,
привыкнув к обыденной роли,
не ощущать притупившейся
боли —
и в небо
смотреть как можно реже.
Что ж, ваше право — забыть, забыться
в праведном сне;
пусть дуракам по ночам не спится —
вы умней!
Незачем душу будить напрасно.
Прочее — муть.
Вам-то, конечно, давно ясно,
что к чему.

Я умолкаю.

Я — это прочее.

Будем считать, случайно с пера сорвалось.

Спите, люди. Спокойной ночи!

Спите,

чтобы не видеть

звезд.

август 1977 ... 30 июня 1978

СОДЕРЖАНИЕ

Я	3
1. Вызов	3
2. Борьба	4
3. Аутодафе	5
4. Зло земли	5
5. Освобождение	6
6. Расплата	7
7. Эпитафия	8
Памяти ***	9
Один билет на двоих	10
Альбинос	11
Давайте рвать друг другу глотки	11
Калифорнийский красный песок	12
Пашка Демин на селе	13
Цветы	15
Разве можно вот так	17
Ночная гроза	18
Девушкам, которые смеялись	19
Души человечьи	20
Поздравление Незнакомке	21
Я преисполнен самообладания	23
Ох, зима, ну зачем ты оттаяла	24
После концерта	26
Нацело	28
Прости, я лучше стать не могу	29
Как перезубренный урок	32
Ходят поэты	33
Пока я жив	35
Безразличие — сон	36
Маскарад	37

Монологи	38
1. Блудный сын	38
2. Пацифист	39
3. Попутчик	40
4. Человек-невидимка	41
Той самой Незнакомке	43
Осенняя песня	44
Любите... ..	46
Легкая, чистая... ..	47
В городе слякоть... ..	49
За все	51
Весеннее	53
Заставьте себя	56
Сегодня упал я... ..	58
Когда-то	60
Два билета в кино... ..	61
Баллада покойника	62
Четвертая молитва	63
Буриме	64
Примирение	66
Слепая слякоть солила слизь... ..	66
Березы белее снега... ..	67
Тост	68
Magato	69
Диалог в апреле	70
Надоело!	71
В этой комнате никогда не бывает солнца	73
Прости, но я тебя люблю... ..	74
Звезды	75